

К 150-летию М.М. Пришвина

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-2-34-52

УДК: 821.161.1-3Пришвин М.М.

Н.А. ДворяшинаСургутский государственный педагогический университет,
628417 г. Сургут, Российская Федерация**«Незабудки»: М.М. Пришвин
о детях и детстве**

Аннотация. 2023 г. юбилейный для М.М. Пришвина – самобытного мастера слова, поэта в прозе, философа, педагога. Мир детства всегда был в центре внимания писателя. Весьма характерно его признание: «Фокус современности – в детях». Статья посвящена осмыслению художником феномена детства как средоточия ключевых вопросов бытия и творчества. Цель исследования – выявить взгляды писателя на этот период – «начало жизни» – в людских судьбах и осознать понимание им роли детства в формировании и развитии личности человека. Методологически статья базируется на комплексном подходе, включающем использование биографического, историко-культурного, историко-литературного и феноменологического методов. Анализ произведений писателя и его дневников позволил прийти к следующим результатам: 1) в постижении сущности детской поры, ее роли в людских судьбах источником и критерием стали для Пришвина впечатления лично пережитого; 2) по убеждению художника, образы детства, его голоса, звуки, запахи, оставаясь в памяти человека, оказывают преобразующее воздействие на его эмоциональную сферу, влияют на творческий потенциал; 3) детство – лучшее достояние, которое с возрастом нельзя отбрасывать за ненужностью, а, напротив, необходимо сберегать его главные ценности: чистоту, непосредственность, «радованье жизнью», живое постижение мира, свободу от рассудочных умозаключений, удивление, способность проникновения в суть явлений, богатство фантазии, искренность веры, умиряющей человеческую гордыню, и многое другое; 4) особо ценил писатель природный, вольный характер детей, дерзость их помыслов и устремлений, готовность отстоять себя, свою независимость и свое право, поэтому и протестовал против подавления в ребенке его свободомыслия, стремления к самостоятельности; 5) эти качества как нельзя лучше отвечали представлениям Пришвина о поведении художника, которые он рассматривал с учетом факторов детского жизнетворчества, но принимал его только в созидательной динамике, в торжестве свободы как осознанной необходимости; 6) не идеализируя детей, писатель, тем не менее, утверждал евангельский завет «будьте как дети» и следовал ему в своем творческом поведении.

Ключевые слова: тема детства в русской литературе, восприятие детства Пришвиным, мир пришвинского слова, влияние впечатлений детства на творчество писателя

© Дворяшина Н.А., 2023

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Дворяшина Н.А. «Незабудки»: М.М. Пришвин о детях и детстве // Литература в школе. 2023. № 2. С. 34–52. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-2-34-52

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-2-34-52

N.A. Dvoryashina

Surgut State Pedagogical University,
Surgut, 628417, Russian Federation

“Forget-me-nots”: M.M. Prishvin about children and childhood

Abstract. 2023 is an anniversary year for M.M. Prishvin – an original master of words, poet in prose, philosopher, teacher. The writer always focused on the world of childhood. His recognition is very peculiar: “The focus of our time is on children”. The article examines the artistic comprehension of the phenomenon of childhood as the center of key issues of being and creativity. The study aims at identifying the writer’s views on this period – the “beginning of life” – in people’s lives and to realize his understanding of the role of childhood in the formation and development of a human personality. Methodologically, the article is based on a comprehensive approach that includes the use of biographical, historical, cultural, literary and phenomenological methods. Analysis of the writer’s works, diaries in the first place, made it possible to come to the following results: 1) the impression of the personal experience became for Prishvin the source and criterion for understanding the essence of the childhood, its role in a human life; 2) according to the artist, images of childhood, its voices, sounds, and smells, remaining in the memory of a person, have a transforming effect on one’s emotional sphere, affect their creativity; 3) childhood is the best asset that, with the age, cannot be discarded for uselessness, but on the contrary, it is necessary to preserve its main values: purity; immediacy; “joy with life”; living comprehension of the world; freedom from reasonable conclusions; surprise; the ability to penetrate the essence of phenomena; the wealth of fantasy; the sincerity of faith that pacifies human pride, and much more; 4) the writer especially appreciated natural, free character of children, the audacity of their thoughts and aspirations, readiness to defend themselves, their independence and their right, therefore he protested against the suppression of a free thought in the child, the desire for independence; 5) these qualities perfectly corresponded to Prishvin’s ideas about the artist’s behavior, which he considered taking into account the factors of child creative life, but accepted it only in creative dynamics, in the triumph of freedom as a conscious need; 6) without idealizing children, the writer, nevertheless, asserted the gospel covenant “be like children”, and followed it in his creative behavior.

Key words: the theme of childhood in Russian literature, Prishvin's perception of childhood, the world of Prishvin word, the influence of childhood experiences on the writer's creativity

CITATION: Dvoryashina N.A. "Forget-me-nots": M.M. Prishvin about children and childhood. *Literature at School*. 2023. No. 2. Pp. 34–52. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-2-34-52

М.М. Пришвин считал, что «верно судить о писателе можно только по семенам его» [14, т. 7, с. 162], по тем всходам, которые взошли, дали свои плоды, став незабываемым явлением в памяти поколений. Собственные творения виделись ему в образе небесно-голубого цветка, подаренного людям и обращенного к их памяти: «Но семена мои всхожие, и цветочки из них вырастают с золотым солнышком в голубых лепестках, те самые, что люди называют *незабудками*. Итак, если представить себе, что человек, распадаясь после конца, становится основанием видов животных, растений и цветов, то окажется, что от *Пришвина остались незабудки*» (здесь и далее выделено нами, кроме специально оговоренных случаев. – Н.Д.) [Там же]. Незабудка – крохотный цветочек, невеликий, но прижился он в народном сознании и своим нежным цветом, и своей стойкостью: «...не выгорает, не тускнеет на солнце и весь словно светится – мягко, чисто, доверчиво. Говорят, очень уж идет незабудка ко всему русскому. Голубое небо увидишь – про нее вспомнишь, на озеро голубое попадешь – тоже вспомнишь, глаза голубые встретишь – опять этот цветок перед тобой встанет... Кто-то из мудрецов сказал, что у человеческой доброты тоже наивный запах незабудок» [8, с. 141]. Пришвин любил этот цветок, его название жило в сознании писателя и как незаменимая оценка

значимых созданий человека, потому-то и написал он в своем «Завещании»: «*Милый друг, если ты переживешь меня, собери из листков этих букет и книжечку назови: “Незабудки”*» [14, т. 7, с. 162].

В своих произведениях писатель напоминал читателям о многом: о земле родной, природе, принципах творчества, любви, женщине, счастье... С его стороны это не было «учительством», не любил он проповеди читать, а стремился, по его же словам, «душевно беседовать, размышлять сообща и догадываться» [12, с. 13], помогая тем, в ком он надеялся обрести друзей, не забывать о главных основах жизни, хранить и беречь их: «Есть у меня для молодежи своя собственная мысль, – признавался художник, – и я знаю, не без пользы для себя они меня поджидают» [Там же, с. 6]. Надеемся, что пришвинские «незабудки» – суждения писателя о детях и детстве, которые мы попытались собрать в единый «букет», – будут полезны не только молодежи, но и читателям постарше, педагогам в особенности.

Обращение к истокам всего, и в первую очередь к жизни человека – его рождению, миру детства, отрочества, стало характерной чертой русской литературы Серебряного века, истинным представителем которой был и М.М. Пришвин. Детская тема также стала одной из важных для писателя, об этом свидетельствует

неизменное внимание к ней, его постоянное осмысление феномена детства как средоточия ключевых вопросов бытия и творчества. К сожалению, полноценного исследования в литературоведении она до сих пор не получила, поэтому считаем актуальной и необходимой нашу попытку выявить постижение художником ее основных аспектов.

В мае 1907 г. М.М. Пришвин (ему 33 года) отмечал в своем дневнике: «Что еще хочется мне написать? *А вот желание описать детство и любовь...* Да вот, но будто жалко расставаться...» [14, т. 8, с. 24]. Чуть раньше он признавался в том, что именно из этих «двух родников: *детства и любви*» происходят все его «поэтические переживания» [Там же, с. 19]. Писатель наделял эти родники особым, сакральным смыслом. Недаром же они виделись ему алтарем – тем святым местом, в которое вход доступен не каждому. Он и сам опасался того, чтобы в описании своих чувствований, ими вызванных, не упустить главное и не осквернить их тайну. Искренность художника, его честность перед самим собой и Словом позволили ему в обращении к этим жизненным ценностям не только не нарушить их чистоту, не лишиться святости, но, напротив, постичь много существенного в их понимании и толковании.

Опыт своего детства стал для него и отправной точкой в размышлениях об этом периоде в жизни человека, и неким критерием в его оценках, и своеобразным ориентиром в писательской судьбе. О значимости испытанного в эту пору, о его влиянии на творческую жизнь Пришвин писал в романе «Кашеева цепь»: «*На этих впечатлениях детства я строю все свое поведение в отношении того*

материала души, который называю талантом» [14, т. 2, с. 458]. Думается, что осмысление писательского взгляда на детей позволит многое понять, осознать в характере его дарования и мастерства.

В зарисовках-миниатюрах, дневниковых заметках М.М. Пришвина содержатся многочисленные отсылки к истоку дней, к памятным его событиям, проникнутые сердечным теплом и благодарностью. «*И таких мгновений, остановленных в картине моего детства, – свидетельствовал он, – нет конца*» [Там же, т. 8, с. 637]. Писатель никогда не расставался с детством, не отпускал его от себя. С какой-то грустью, даже тоской вспоминал художник милые сердцу места, воскрешая в памяти любимые образы и детали. Так, на странице дневника от 5 мая 1946 г., подробно перечисляя картинки своего детства, Пришвин помещает себя в них, не только словно рукой касаясь, но душой приникая к тому, что дорого. Он напрямую связал свое особое восприятие родины, ее природы с тем «*чувством благодати, исходящей от родной земли*», которым напитался в *детстве* [Там же, с. 475].

За свою жизнь писатель не раз переживал состояние возвращения в детство, встречи с собой тогдашним – ребенком. Знал он, что такое дано не каждому, а только тому, кто не растратил детское в себе, не забыл и не отказался от него. Имеющий же этот дар получает ни с чем не сравнимые обретения. Об одном из таких жизненных подарков писал Пришвин в миниатюре «Встреча с детством»: «Утро пасмурное, а вечером солнце, весна ослепительная. И есть переулки в Замоскворечье, где сохранилась тишина и в какую-то минуту

перед самым вечером в сумраке *можно встретить себя самого в детском виде и наслаждающимся счастьем детства* под чудесный говорок засыпающих галок» [14, т. 7, с. 109]. «Счастье детства», был убежден писатель, должно оставаться с человеком, оно умиротворяет его душу, дарит ему радость и во взрослом состоянии, усиливает остроту жизненных переживаний.

«Свидания» с детством через отпечатки памяти, эмоциональные всплески рождали у художника ощущение особого воодушевления. Казалось бы, какое уж такое волнение может вызвать привычный для взрослого детский вопрос «почему»? А в пришевском восприятии он отзывался внутренним ликованием и энтузиазмом, окрылял, приводил в состояние жизненного восторга: «На днях иду я по дорожке в хвойном лесу и вижу – в темном лесу дорожка моя вьется лиловая.

– Почему она лиловая? – спросил я сам себя.

(Одни ищут в природе сходства и спрашивают: “Почему?” – для того, чтобы все понять в сходстве, другие ищут, напротив, различия и спрашивают: “Кто ты такой?”. Так вот и я). *И стало мне хорошо на душе, как будто детство мое вернулось.* С чувством той далекой вспыхнувшей радости жизни стал я разбираться в этом своем *детском вопросе*: почему дорожка мне видится сейчас как лиловая» [Там же, т. 8, с. 611].

Пришвин ценил живой, непосредственный интерес детей к действительности, с его вечным вопросом «почему так?», отражающим внутреннюю работу их ума, души, стремление к познанию мира, и сам никогда не только не расставался с ним, а и жил

им, радовался ему. Нельзя не согласиться с суждением поэта В.Д. Цыбина, справедливо заметившего: «*Поэтическая детскость видения мира людей, мира вещей – вот что выделяет (но не отделяет) Пришвина среди русских писателей. Ведь и “ребенка в себе” берег для этого “детского” вызнания обо всем, вечно удивленного – “что это?”.* Отсюда и проникновенное внимание к мелочам. В мире пришевского слова все значимо – и запоздалый ручей, и белые, чуть “побольше моли, бабочки”, и двойное небо, и мастерская дятла, и многое другое. <...> Он знал, что мир огромен даже в самой малой своей малости, и шел к людям от природы и через природу: она посредник между жизнью и поэзией сердца» [19, с. 78]. Добавим: той «поэзией сердца», которой, был убежден сам писатель, наделены дети.

Вторгаясь в привычную жизнь, отзвуки детства, его сигналы оказывали преобразующее воздействие на эмоциональную сферу художника, пробуждали потребность в обновлении мироощущения. Вчитаемся в одно из его признаний об этом: «Глушь обняла меня, и вдруг где-то за горами, за снегом, за лесом закричал петух. Радовал меня когда-то давным-давно крик петуха, и теперь мне было так, что не за снегами, лесами, горами кричит петух, а за моими годами оттуда, перелистывая все пережитое, *еще мог все-таки пробиться ко мне радостный крик моего детства*» [14, т. 7, с. 160]. Этот крик напомнил ему о «*далеких радостях прошлого*» и повлиял на принимаемое автором решение, определившее победу торжества жизни.

Пришвин утверждал созидательную роль звучащих из детства голосов. Они, был уверен писатель, дают

силы на новые душевные движения, чувственные порывы и смелые действия: «Тогда открылось мое сердце, и мне захотелось поискать чего-нибудь возле себя, не найдется ли и тут чего-нибудь такого веселого» [14, т. 7, с. 160]. А «открывалось» сердце художника разными мелодиями детских лет. Оттуда входила в его поэтическое сознание «музыка устной речи», да он и сам тогда воспринимался родными птичкой певчей. «Соловей прилетел! – говорила о мне, радуясь, мать», – свидетельствовал писатель, – когда «мальчиком я приезжал в деревню, становился у печки и весь вечер что-нибудь рассказывал...» [Там же, т. 8, с. 542]. Во время этих встреч-разговоров возникало то очарование словом, которое и вдохновило его, тогда еще ребенка, сделаться литератором: «Чудесная музыка! – восклицал он, вспоминая эти мгновения. <...> Вот откуда, из какого истока берутся наши сказки родные и почему они так долго живут и не проходят: потому что слово для того и выходит из уст одного, чтобы прилететь к уху другого человека, своего друга. И эти слова сказывали и сейчас сказывают, а мы, литераторы, стараемся так написать слово, чтобы оно было, как будто оно сказывается» [Там же].

Ему нужны были голоса, звуки из детства, потому что ими определялись и неординарность его восприятия дня сегодняшнего, и сам характер творческого процесса, его своеобразие. «Дорожу своими воспоминаниями вовсе не из-за их сладости, – заверял он, – дело не в этом, а в совершенно необходимом материале детства для художественного понимания текущей минуты жизни, потому что художник <...> возрожда-

ет в своем творчестве себя, как ребенка... Вчера вечером я думал об этом упорно, потому что услышал какой-то звук из раннего своего детства» [Там же, с. 208].

Оттуда, из дней детства, приходили и пришвинские «ароматы воспоминаний», на которые он всегда отзывался и которыми очень дорожил. Они будоражили память, волновали ум, заставляя отыскать знакомое, но забытое и воскресить его как высшую драгоценность бытия. Писатель был уверен, что в детстве человек напитывается, наполняется богатством запахов, и, оставаясь в нем, они укрепляют его связь с прошлым, возвращают его, придавая при этом ощущение свежести восприятию настоящего: «Вдыхая аромат цветов, коры, прошлогодних листьев, – писал он, – всегда волнуешься чем-то близким к воспоминанию. <...> Вот все эти воспоминательные ароматы соединены с детством: это что-то там произошло при первой встрече с таким ароматом. Так, может быть, и все наше сознание выросло из этого детского материала, оставаясь с тех пор, когда жил бессознательно?» [14, т. 7, с. 401].

В «воспоминательных ароматах» отражались и ностальгия художника по ушедшему детству, и его дар памяти, способность сбережения того наследства, без которого, считал он, нет писателя: «Раздумывая об этом, приходишь к мысли, что сила творчества сохраняется теми же самыми запасами, какими сохраняется на земле вечное детство жизни во всех ее видах...» [Там же, т. 8, с. 183]. Пришвин, конечно же, хорошо осознал, что все проходит в этом мире, оказываются в прошлом, утрачиваются многие дарованные жизнью «драгоценные способности». Но при этом,

был убежден писатель, в человеке и с человеком всегда остается что-то такое, что время не в силах отнять.

К таким переживаниям он и отнес обонятельные ощущения детства. 29 января 1951 г. Михаил Михайлович записывал в дневнике: «Пусть со временем исчезнет и эта охота, но я никогда не забуду запах детских лошадок, какие привозили нам, бывало, от Троицы» [14, т. 8, с. 533]. О важности для него отмеченных впечатлений говорит и тот факт, что он включил их, развернув и дополнив, в свою книгу поэтических миниатюр «Глаза земли»: «Шел в сосновом бору свежим утром, и вдруг запахло мне чем-то чудесным, и, поймав раз, и два, и три аромат, я понял, что пахло мне той самой детской лошадкой, какие возили нам в детстве в подарок от Троицы. <...> Как бы там ни было, но аромат детской игрушки мне показался милее, чем запах бора, и что главное: первое его в моей душе пахла детская игрушка, и уж позднее я научился понимать запах бора» [Там же, т. 7, с. 456]. Вероятно, тогда это была такая пронзительная детская радость (именно так назвал он свою миниатюру!) от нового развлечения, что она на всю жизнь вошла в его сознание как проявление самых счастливых мгновений жизни, затмив собой даже любезные его сердцу природные образы. Время показало, что это всего лишь запах «вонючего масла», оставшегося от производства игрушки, но он был овеян таким ароматом счастья, что его ничто не в силах было заглушить. С памятью о нем писатель не хотел бы расстаться и на исходе жизни, и за ее пределами: «Вот, может быть, под конец доставят мне, глубокому старцу, такую лошадку, и я ей улыбнусь и для вас умру, а сам

для себя только начну новую бесконечность, новую вселенную бессмертных существ» [Там же, т. 8, с. 533–534].

Не раз художник будет возвращаться к мысли о том, что человек, в детстве лишенный обонятельных воздействий, не прочувствовавший их, окажется обедненным в полноте восприятия бытия: «Повилика выползла на песчаную дорожку, белая и розовая, пахнет по-прежнему чем-то далеким из детства... Не могу представить себе, как и чем пахнут цветы тому, у кого детства не было» [12, с. 99]. Он был уверен, если напишется душа ребенка такими ощущениями, то этот чудный мир рано или поздно вернется к нему взрослому и утешит его, когда уж и чувства все притупятся, и здоровье будет утрачено: «Человек, в детстве наслаждавшийся ароматом ландышей, и потом, когда потеряет обоняние в старости, не лишается желанья поднести ландыш к носу. Мало того! он может при этом наслаждаться воображаемым ароматом» [18, с. 273]. Любопытно, как справедливость этого наблюдения Пришвина подтверждается поэтическим откровением Ю. Мориц, заметившей: «Чудный свет на всю судьбу проливает детство» [10]. Она как бы вторит предшественнику своим утверждением сохранности светлых, чистых впечатлений детства, юности, молодости: «Все изменится, ландыш останется прежним, / Все изменится, прежним останется свет / В колокольчике с запахом острым и нежным, / Белоснежным, как тайна, где мерзости нет. / Все изменится, прежним останется вечное...» [9].

Таковыми вечными были для Пришвина дети и детство – носители новизны, свежести, чистоты. Сама жизнь, ее явления оценивались

этим «великим жизнелюбцем» (И.С. Соколов-Микитов) через призму детских переживаний: «В воздухе пахло *самым хорошим*, тем самым, чем пахло, когда, бывало, в *детстве* выходишь на двор запускать змей с трещоткой и длинным мочальным хвостом» [14, т. 7, с. 534]. Эта дневниковая запись сделана им 4 февраля 1951 г., но и ранее (в августе 1940 г.) в писательской памяти оживал этот бесценный для него чувственный опыт, о чем свидетельствует следующее замечание: «Выправляя “Лесную капель”, вздумал перечеркнуть один кусочек двумя чертами накрест и двумя параллельными. При этом вдруг мне пахнуло чем-то знакомым и бесконечно милым. Так часто бывает, но догадаться, чем пахнуло, обыкновенно не успеешь: *пахнет чем-то милым из детства* и тут же забудется. Но в этот раз из черточек накрест и двух параллельных сложился мне змей, как я клеил его, бывало, сам из деревянных планочек и листа белой бумаги. Так вот милый запах сейчас – это был мне запах клейстера из пшеничной муки, каким я обыкновенно тогда змея клеил. И было это тому назад больше полстолетия. Вот как помнится, вот как *влияет на жизнь нашу то, что с нами в детстве бывает*. И сама-то вот “Лесная капель”, разве не есть это все *пережитое мною с детства: цветы, [запахи], птицы...*» [11].

Память сохраняла эмоционально ценные и содержательно значимые для ее обладателя впечатления. Ольфакторные запасы детства по своей насыщенности, силе пережитого дают, считал Пришвин, заряд чувств на целую жизнь. Давние, детские обонятельные образы способны творить чудеса, в них, через них предстает

целая жизнь человека с ее дорогим для каждого подарком: «И так не одна черемуха, а *всякий запах является как бы термосом нашей души и до старости лет дает возможность помнить свое детство не головой, а всем существом*» [14, т. 8, с. 320].

Детство и детское навсегда остались для Пришвина тем достоянием, с которым сам он ни за что не хотел расставаться и не расставался, потому-то он не только противостоял всяким попыткам отказа от него, но и утверждал необходимость его сбережения: «Я думал о том “лучшем”, *детском, которое весь мир бросает как ненужное нам, мечтателям, поэтам и художникам, и мы возвращаем его миру обратно*» [Там же, с. 68]. Обратившись к этой мысли в своем дневнике через 16 лет (1928 г.), он с прежней убежденностью продолжит отстаивать свою «религию детства», сокрушаясь о том, что люди равнодушны к этой грани своей личности, более того, не прилагают усилий для ее сохранения: «*Правда, все говорят и вздыхают о своем детстве, и никто не хочет истратить силы своего характера на достижение этого лучшего*» [Там же, с. 192–193]. О том, что такие мысли занимали его постоянно, говорит и запись в дневнике от 21 мая 1937 г. Теперь в ней усилилась нота осуждения и даже раздражения: «*Лицемерно вздыхают о детстве, что оно “прошло”. Но спросить их, – зачем они дали ему “пройти”*» [11].

В своих суждениях Пришвин указывал на многие дорогие ему особенности детского возраста. Прежде всего, его влекли к себе изначальная чистота, искренность детства, его непосредственность. Вот его прелестная миниатюра – «Мои сны». Она вся

пронизана светом любви к тому началу жизни, который еще определяют понятием «нежный возраст»: «В эту ночь недаром мне снилось, будто я какую-то чудесную простую русскую песенку пою и все вокруг меня радуются. *Такие сны только в детстве бывают, потому что такое видеть можно только с невозможной для взрослого чистой совестью*» [14, т. 7, с. 264]. По сути, об этом же и такое его заключение: «Весна родится в марте, как ребенок с чистыми глазами, целует, не думая, нечаянно» [Там же, с. 45]. Ценным и близким ему было и то, что сам он называл «младенческим восприятием мира» – «бескорыстным радованием жизнью» [Там же, с. 120], таким, какое возможно в неиспорченной детской душе. Не случайно в своем толковании слова «романтик» он ставил в один ряд несколько равных для него понятий: «*Это поэт, принимающий поэтическое слово, как дело, как жизнь. <...> Это детство, продленное в юность, и юность, сохраненная в мужестве. Это вера в достижение невозможного*» [Там же, с. 143].

В отмеченных образах отсутствовало то, что писателем категорически не принималось, – пошлость и цинизм: «Боже мой, – восклицал он, – что было бы на земле, если бы каждый сельский хозяин ясно и точно видел цель свою: свиную тушу и больше ничего. Не было бы Руссо, Толстого, Аксакова, русского мужика, старинных усадеб, воспоминаний, да, ничего бы не было: поели бы и еще откормили, и еще поели, и так бы шло» [Там же, с. 93]. Невольно вспоминается, как бунтовала против самодовольной сытости, духовной нищеты и убогости М.И. Цветаева: «Не задушена вашими тушами / Ду-ша!» [18, с. 164]. Пришви-

на также страшили и ужасали отход людей от их высокого предназначения, исчезновение из жизни синей птицы – этого дорогого для романтиков символа поиска, душевной неуспокоенности, прекрасной мечты. Он, без сомнения, был солидарен с запечатленным в статье «О “Голубой птице” Метерлинка» суждением А.А. Блока, видевшего правду жизни и творчества в том, чтобы «открыть в каждой человеческой душе глубоко закрытое в ней *детское сознание*, для которого стирается грань между будничным и сказочным и будничное легко превращается в сказочное...» [2, с. 517]. За эти устремления к необычному, идеальному почитал детство и М.М. Пришвин.

Он ценил в душевном мире детей органичность, естественность их восприятия, живое постижение мира, а не сугубо рациональное, рассудочное отношение к окружающему. И в этом своем убеждении писатель был солидарен со многими художниками-современниками, обращавшимися в своем поиске идеала творческой личности к детству. Так, З.Н. Гиппиус была уверена в том, что ребенок способен многое открывать за реалиями повседневной жизни, прозревать иные миры, «взрослое» же сознание лишено подобного дара [подробнее см.: 5, с. 137–143]. Такой взгляд был близок и Пришвину. Писатель отдавал дань детской способности проникновения в суть вещей и явлений. «Истинного человека, – писал он, – я представляю себе насквозь видящим и понимающим происходящее мгновение мира сего. Тем нам и дороги мужики, старцы, купцы и *дети*, что *они все видят мгновение насквозь*» [14, т. 8, с. 66]. В этом суждении вновь можно найти переключку с утверждением

А.А. Блока: дети «видят то, чего не видят взрослые» [2, с. 516].

В.Д. Пришвина – жена и помощник писателя – в своей работе «Искусство видеть мир» указала на сохранение им детского таланта постижения мира. «...Существуют, – отмечала она, – свидетельства в мировой истории ученых, художников, моралистов, – словом, всех открывателей физических и духовных ценностей о том, что свои открытия они совершали в какие-то моменты полной собранности, единства и простоты... <...> Это, видимо, и разумел Пришвин, когда говорил, что однажды “обнаружил в себе способность мгновенного схватывания без счета и без меры”. Так же, вероятно, постигает мир и ребенок, еще свободный от рассудочных умозаключений. Пришвин об этом прямо свидетельствует: “В детстве, до моей памяти об этом, я постоянно жил в удивлении и созерцании вещей мира, какими они в действительности существуют, а не как меня потом сбили с этого и представили не так, как оно есть”» [16, с. 60].

Удивление – свойство детства, ибо ребенок живет во всегдашнем узнавании мира, открытии его вещей, явлений, отзываясь на новое своей фантазией, своими придумками. К.Д. Бальмонт, указывая на полноту и глубину восприятия ребенком мира, по этому поводу писал: «Каждый день мы проходим в саду по зеленым тропинкам и песчаным дорожкам. Встретим четыре камешка, одного взгляда им не подарим. Разве что глянем, когда отшвырнем их ногой. А подойдет к этим камешкам ребенок и из четырех построит мироздание» [1, с. 420].

Об этой одаренности детворы, способной, казалось бы, из самой

примитивной вещи создавать иные миры, удивлять и удивляться, сказал свое слово и один из самых популярных философов, публицистов конца XIX – начала XX века В.В. Розанов, которого Пришвин называл своим «вечным спутником» и с которым у него, как мы знаем, сложились весьма непростые отношения. В своем «Уединенном» Розанов с одобрением процитировал такой афоризм критика, философа Ф.Э. Шперка: «Дети тем отличаются от нас, что воспринимают все с такой силою реализма, как это недоступно взрослым. Для нас “стул” есть подробность “мебели”. Но дитя категории мебели не знает: и “стул” для него так огромен и жив, как не может быть для нас. От этого дети наслаждаются миром гораздо больше нас» [17, с. 84]. Пришвин был знаком с этим суждением, он также отмечал в ребенке указанные достоинства, но, комментируя процитированные строки, при этом уточнил и развил мысль своих предшественников: «Шперк еще говорит, что дети реалисты, – это да, но реалисты такие глубокие, что из этой реальности рождается сказка (вроде того поезда, т.е. что не поезд реальность, а что мы едем в поезде: вот это реально, и что я Хочу – я Могу). И это детское Хочу реальнее Надо взрослых...» [11]. Творческая личность, считал Пришвин, как и дитя, с его фантазией, игрой с камешками ли, со стульями ли (они «в один миг превращаются в поезд...») идет на такой же «обман», художественный вымысел: «Слова тут рождаются между прочим, и суть в “я могу”: я хочу и я могу – в слякни создают поезд и все другое. В том “действительном” поезде едут чужие люди, в этом созданном поезде едут все свои, милые» [14, т. 8, с. 330].

Писателя огорчали, разочаровывали те процессы, которые происходили в мире: уход, а то и отказ людей от веры в чудесное, от сказки, радости открытий: «Удивление покидает мир», – писал он в мае 1937 г. И тут же, отстаивая необходимость иного человеческого поведения, объяснял причины происходящего: «Удивление связано с детством человека. Современный человек рано расстаётся со своим ребенком: он с 20 лет взрослый и больше ничему не удивляется. Сказка питается детством <...>. Человеку надо вернуть себе детство, и тогда ему вернется удивление и с удивлением вернется и сказка» [14, т. 8, с. 320]. Удивление, был уверен писатель, делает человека творцом, создателем нового.

Не вызывало у него сомнений и еще одно свойство детского мира, которому он тоже отдавал дань как ценности, существенной и нужной для творческой натуры: «Ребенок все понимает, но по-своему, как, бывало, и я сам понимал. Но ведь и каждый из нас есть “я сам”, и если обратится к себе самому и вспомнит, какой он был в детстве, то во многом он был богаче пониманием, чем стал потом» [11]. К этой мысли он будет возвращаться не раз, подчеркивая не малые, а большие возможности детского ума, детских способностей в постижении действительности: «А первоначальная уверенность в своем знании жизни и есть знание жизни настоящей, и в этом отношении нам дана директива: “Будьте как дети”» [14, т. 7, с. 242]. И когда он, например, ставил перед собой задачу «пересмотреть лес глазами ребенка» [Там же, т. 8, с. 205], то в ней прочитывалась все та же мысль о необходимости видеть окружаю-

щее чистым, незамутненным, подлинным детским взглядом.

М.М. Пришвина отличала устойчивая вера в детей. Вера в их природный вольный характер: «Дети учат взрослых людей не погружаться в дело до конца, а оставаться свободными» [Там же, т. 7, с. 264]. Вера в их мудрость: «Целиком вопросы жизни решаются только у мальчиков, мудрец их имеет в виду, а решает только частности» [Там же, с. 262]. Ребенок, считал писатель, не лжив, искренен в своих эмоциях. Все у него проходит через душу: и молитва, и любовь. Искренняя, лишенная лукавства детская вера, убеждался он, способна усмирить человеческую гордыню, преобразить сознание. Подобные изменения он испытывал на себе, о чем в дневнике 18 августа 1945 г. написал: «Есть такая черта между “я” и Богом, когда я смиренно уступаю себя и говорю: – Дальше я ничего не знаю и не могу думать. Это значит, дальше я не думаю, не творю своего Бога, а верю, что Он сам начинает думать о мне. Тогда я, как ребенок, смотрю на детский образец Боженьки, шепчу детскую молитву. И вот тут-то я бываю православным человеком, хранящим единство Божьего образа во всех возрастах» [11]. Считая веру и доверие лучшими качествами детской души, этот кудесник слова сокрушался оттого, что в современной ему системе воспитания они оказались забытыми [14, т. 7, с. 159].

Такое восприятие детства определяло и отношение Пришвина к нему, постоянную и страстную защиту в человеке его изначальной данности. «Дети – сами природа» [Там же, т. 2, с. 457], уверял он, поэтому они должны расти и развиваться свободно. Нельзя подавлять

в ребенке его самобытности, свободы мысли, стремления к самостоятельности. Писатель сам рано столкнулся с таким отношением к себе, поэтому-то и выбрал путь отстаивания собственной индивидуальности. Характерно его признание: *«Вся моя жизнь с колыбели была борьбой за личность. Это моя тема и как писателя»* [14, т. 7, с. 138]. О том, что для него эта борьба была принципиально значимым жизненным поведением, свидетельствует еще одно высказывание: *«С малолетства я смутно чувствовал в себе какое-то свое лицо и носил его, напрягая все силы на его охрану»* [Там же, с. 296]. В дневниках Пришвина не раз будет подчеркивать ценность такой жизненной установки: *«я должен быть самим собой»* (курсив автора. – Н.Д.) [14, т. 8, с. 355], *«мало-помалу оказывалось, что быть не как все, а как сам, и есть то самое необходимое, без чего мое существование было бы бессмысленным»* [Там же, с. 423].

Мысль о важности защиты своего я от всякого рода посягательств с ранних, детских лет он будет внушать и своим читателям: *«А что, если подумаешь, всем бы, особенно ученым, взяться изучать природу не в сходстве, а в отличии, чтобы у каждого твердо находить свое единственное лицо, и в семье с малолетства этому практически обучать детей, и в школах преподавать им в природоведении наряду с морфологией еще и лицеведение?»* [14, т. 7, с. 236]. Итог этих размышлений говорит сам за себя: *«...и если есть что без лица, то это означает: ничего не стоит»* [Там же, с. 237]. Именно поэтому так привлекало писателя, приводило в восторг любое проявление в детях готовности отстаивать себя, свою независимость и свое право. Подтверждением сказанному

может служить прелестно комическая сценка в миниатюре «Боевая поза»: *«Мальчик швырял камни, такой сильный мальчишка и такой маленький, что от каждого швырка закручивался в обратную сторону и мгновенно раскручивался назад, чтобы успеть захватить полет брошенного камня. Так он делал множество раз, как богатырь, сын царя Салтана, вылезший из бочки. <...> Я подошел к богатырю и, заложив руки назад, выпятив грудь петухом, сказал задорно, как бы вызывая на бой:*

– Ну?

Он мгновенно перестроился, тоже заложил руки назад, как ястреб, не моргая, уставился на меня в страшной серьезности. Я сделал вид, что испугался, отступая задом, чтобы не дать ему швырнуться в меня, повернулся и пошел своим путем. И сколько ни шел, сколько ни оглядывался, он все стоял и стоял в своей боевой позе» [Там же, с. 276].

Нельзя не почувствовать, как при всей спровоцированной рассказчиком игровой ситуации, ему нравится этот ребенок, он любит его, его задором, радуется его духу богатырскому. Он увидел в мальчишке родственную себе душу, готовую, как и он, отразить обиду, покушение на независимость, и вдохновился этим.

Личный опыт утвердил писателя и в других, важных для него оценках детства, взглядах на него. Он, например, считал, что жесткая система запретов в ранние годы лишает детей необходимых им переживаний, познаний, открытий. На всю жизнь в его памяти остался старик, обладавший удивительным даром понимания детей, их потребностей. В чем был секрет этого человека, который и много лет спустя виделся автору

воспоминаний чудесным волшебником? Ответ на этот вопрос – в рассказе о нем: «Стоило, бывало, любому мальчугану подойти к этому старику, когда он копался в своей садовой “школе”, как начиналась мелодия. Откуда она бралась – бог знает – из каких-то пустяков. Подойдет к нему восьмилетний мальчуган, и вот этот огромный великан, старый и почтенный, оставляет работу, усаживается куда-нибудь под куст, важно пригласит сесть рядом с собой и потихоньку шепнет:

– Давай покурим!

– Давай, – согласится мальчуган.

И вот появляется знаменитый портсигар из карельской березы, книжечка курительной бумаги и длиннейший мундштук. Скручиваются папиросы. Закуривают. Сидят под кустом, он, огромный Фет, и крошечный мальчик. Разговор короткий:

– Затянулся?

– Затянулся. Силюсь...

– А в нос умеешь?

– Нет.

– Вот смотри. А кольцами?

И вот запрокидывается большая серьезная голова назад, из прекрасных рыжеватых прокуренных усов вылетает синее кольцо, другое, третье...» [14, т. 8, с. 26–27].

Рассказчик признался, как «теплым током от сердца» отзовутся в его памяти все эти встречи с человеком, обладавшим волшебной поющей кружкой, с человеком, который умел так общаться с детьми, так понимать их потребности и так открывать им самих себя и свои возможности. Наверное, многим это поведение взрослого, обязанного быть строгим моралистом и не потакать детским прихотям, покажется антипедагогичным, ненужным

и вредным. Но, по Пришвину, как раз такого рода послабления в воспитании детей необходимы. Они волнуют ребячью душу, будоражат сознание, дарят веру в свои силы и возможности, учат справляться со слабостями и закрепляют мужественное восприятие жизни. Значимость воспитательной практики чудного старика писатель подчеркнул повтором фразы: *«И такой теплой стружкой что-то переливается из сердца к голове!»* [Там же, с. 29]. Можно догадаться, что давал и через годы переживаниям теперь уже взрослого человека такой сердечный ток. Здесь и благодарность доброму волшебнику, и признательность за доверие, за уважение к детским стремлениям и потребностям, и вновь испытываемое счастье оттого, что это в его жизни было! Помнивший свое детство, знавший детей и как отец, и как учитель, Пришвин вывел главную, с его точки зрения, «вечную ошибку педагогов»: *«им надо, чтобы для детей все было правильно, а детям нужно неправильное»* [Там же, с. 347].

С первых писательских шагов Пришвин пришел к убеждению в необходимости никогда не отказываться от смелых, творческих порывов детства. В них истинное и самое верное, самое чистое. Они как сохранение души, а через нее и долготелития. «По-видимому, – свидетельствовал он, – *этот мальчик живет у меня в душе, и скорей всего это я сам и ношу его в себе, как беременная женщина. В этом вынашивании мальчика и есть все, чем я богат»* [14, т. 7, с. 141]. В.Я. Курбатов, вспоминая выдающегося русского композитора Валерия Гаврилина, привел его поэтические строки, замечательно характеризующие эту личность: *«Все зовут меня мальчишкой, / Говорят, я боек лишко. /*

Мне все это очень лестно: / Быть мальчишкой прелестно» [7, с. 301]. Комментируя их, критик очень точно заметил: «Тут в который раз в человеческой и художественной истории видишь, что в *настоящем даре должно быть детство*, что оно непременно его черта, к смущению осмотрительных Сальери. <...>. *Это мы забываем детство, а то и смущаемся его беспечностью*, притворяясь, что всегда были серьезны и умно-рассудительны. *В гении оно живет счастливо и свободно*, как живут и все возрасты, не тесня друг друга в обнимающей полноте» [Там же, с. 301–302].

Пришвину было дорого осознание детского в себе. Вот характерное для него признание: «Та единая тема, над которой я работаю, *это дитя, которое я сохраняю в себе, мальчик*» [14, т. 8, с. 33]. Он неустанно заботился о «детстве своей души», ни за что не хотел его утрачивать, поэтому-то, по его словам, защищал его «с необычайной последовательностью и жестокостью к другим сторонам жизни» [Там же, с. 192–193].

Радовался художник и своим открытиям детскости в окружающих его людях. С удовлетворением увидел он важное для себя в своей будущей жене: «*Есть во всем образе Ляли что-то ребячье, как у меня в такой же степени мальчишеское, и в этом “будьте как дети” мы находим себе соединение той любви и другой*» [11]. Детское в человеке, полагал Пришвин, защищает от пошлости, сберегает чистоту и красоту отношений. А о том, как это важно, по его мнению, для представительниц слабого пола, говорит такой отзыв о любимом человеке: «*Чудо уже в том, что до 40 лет в женщине могла сохраниться девочка Ляля. Эта сохранность детства и есть источ-*

ник ее привлекательности и свежести. Напротив, практичность женщины нас отталкивает...» [11].

Заветным для личности «Великого Берендея» (В. Боков) [3, с. 104] «образом чистого детства» во многом определялось и своеобразие его творчества: «...Я с себя беру своего маленького героя... Мне удобен мальчик-герой, потому что я же сам, лично будучи от природы художником и поэтом в душе, <...> *чувствую себя всегда мальчиком...*» [15, с. 101]. Детскость у писателя, по справедливому заключению известного философа К.Г. Исупова, обрела «исключительное значение <...> в рамках пришвинской концепции “творческого поведения”» [6, с. 11]. Кредо художника – чтобы писать, надо беречь в себе ребенка, «*своего личного ребенка, в существо которого <...> и заключается то, что называется талантом*» [14, т. 8, с. 287]. Он был уверен, что без памяти детства, без ориентира на его ценности, без дитяти в себе нет настоящего творца: «*Художник есть такой человек, который сохранил в душе своей себя, как ребенка, и может по-своему смотреть на мир. Чем больше сохранился этот младенец, тем больше в творце простоты, целокупности, ясности*» [Там же, с. 313]. В 1939 г. писатель вновь акцентировал внимание на этом: «*Все крупные художники, которых я видел на своем веку, были похожи на детей*. Мне это было легко видеть, потому что с первых шагов литературной деятельности у меня открылась замкнутая душа и благодаря этому все эти замкнутые люди тоже отпирали свои души и были как дети. Через это я понял, что *сохраненное дитя с его Хочу есть основа таланта*, и вот почему мое первое произведение был детский рассказ и сейчас

последнее, что я написал, “Лисичкин хлеб”. Хочу и Надо. Я не могу вашего дитя заменить своим... <...> Но я могу преподать вам гигиенические правила для охраны своего дитя, то, что Надо: то Надо, которое уберегло моего младенца» [11].

Писатель прямо указывал на те достоинства детей, которые были для него, как мастера слова, художника, значимыми: «А дитя это: 1) Творец, 2) Знает правду. 3) Обладает полнотой воли (хочу): он сам по себе. И даже когда плачет, то плачем своим требует. <...> И каждому дитяте дано испытание борьбы его “хочется” с “так надо”, и победителем бывает такое дитя, у которого его “хочется” для других переходит в “так надо”: это и есть истинные победители и творцы культуры» [Там же]. Нельзя не увидеть, что творческий процесс Пришвин рассматривал с учетом факторов детского жизнетворчества, но принимал его только в созидательной динамике, в торжестве свободы как осознанной необходимости. По его убеждению, лучшими достижения становятся тогда, когда детскость и талант обретают свое духовное единство: «...каждый великий поэт вершиной своего творчества соприкасается с душевным миром детей...» [14, т. 8, с. 471]. Пришвинское восприятие детства, суждения о нем основывались не только на осознании его неповторимого очарования, но и на видении в нем жизненного идеала, помогающего выстраивать людскую жизнь, созидать в ней истинные смыслы.

В раздумьях многих мыслителей и художников слова XIX и XX вв. нашли свой самый живой отклик слова Спасителя, адресованные праведным мужам: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не буде-

те как дети, не войдете в царство Небесное» [Мф.: 18: 1–3]. Над ними размышляли, представляя свои толкования, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Н.Ф. Федоров, Ф.К. Сологуб, А.М. Ремизов, В.В. Зеньковский. Отсылки к евангельскому взгляду на дитя – прямые и косвенные – есть в произведениях Ф.К. Сологуба, З.Н. Гиппиус, А.М. Ремизова, К.Д. Бальмонта, в статьях М.А. Волошина и С.Н. Дурылина, в романах М.А. Шолохова, работах художника М.В. Нестерова и других творцов русской культуры [см.: 4, с. 433–440].

К мыслям о важности сбережения детского начала человеком вообще, а творческой личностью особенно, Пришвин также обращался постоянно. Однако, надо заметить, что он не идеализировал детей. В его размышлениях мы найдем и негативные оценки в их характеристиках. Жизненные встречи давали разнообразный материал для этого. Определенное возражение, например, у него вызывало расхожее сравнение «дети – цветы жизни». Признавая его справедливость по отношению к частным, конкретным образам, он вместе с тем указывал и на другие их проявления: «Когда говорят о детях, как о цветах, то, значит, в глубине себя исходят от своих детей, от собственного чувства жизни. Само собой, поводом могут быть и чужие дети, в которых и выражается свое чувство жизни. Но бывает взгляд на детей как бы со стороны и как на чужих, тогда через лицо ребенка просвечивают бесчисленные пороки его предков. Эти дети очень страшны. Вообще это прозрение страшно. У меня это было лишь раз (мистически), а так для всех это понятно, если смотреть на детей беспризорных» [14, т. 8, с. 212].

Пришвин видел, как искажается, даже уродуется чистый мир ребенка, когда он оказывается отстраненным от дома, семьи, когда оставлен без присмотра, лишен элементарной заботы, внимания, любви. В нем прорастают тогда всевозможные духовные недуги, возникает склонность к безнравственным, дурным поступкам. Не исключал писатель и того, что ребенок может быть жесток. Подобного рода порывы он сам испытывал в детские годы, а потом наблюдал проявление этого свойства у других ребятишек. *«А ведь был я разбойник, и все думали, что из меня выйдет разбойник»* [11]. Однако при этом он понимал и причины таких поступков, и пути избавления от них, и необходимость помощи детям, в которой они нуждаются, чтобы преодолеть в себе плохое, ибо чутка и отзывчива душа ребенка. Для писателя важно было в общении с самыми, казалось бы, распушенными детьми находить способы и возможности направлять их к хорошему. Вот какой «рецепт» предлагал писатель для противостояния детским порокам и для их изживания: «...заведется в классе такой ученик, да, в каждом классе есть такой, и учителю надо непременно свое отношение к классу складывать, начиная с этого разбойника: “с ним справлюсь, а остальные сами придут ко мне”. *Так и во всей жизни, везде и всюду со злой силы начинать устройство: надо злую силу заставить творить добро (как у Гете). Или наоборот: не обращая внимания на злую силу, поднять все доброе так, чтобы злая сила увидела, что ей делать тут нечего. Возможно, и в школе именно такой истинный путь борьбы с недугами: чтобы хорошие ученики сами стали на сторону учителя»* [Там же].

По убеждению Пришвина, ребенок может быть «поврежден», но ему всегда можно помочь и его можно «сделать готовым человеком».

Осознавая, что не все «дети сами по себе хороши», этот «чрезвычайно своеобразный и интересный мыслитель», в оценке П.Л. Капицы [15, с. 147], стремился растолковать, пояснить свое понимание евангельского завета «будьте как дети». Так, следует отметить, что, относя это пожелание к людям взрослым, Пришвин имел в виду следующее: «чтобы они, оставаясь <...> умными и добрыми, в то же время были и просты, как звереныши» [14, т. 8, с. 383]. Это сравнение скрывает в себе многие ценные для писателя смыслы. Просты – это и естественны, непосредственны, бесхитростны, простодушны, лишены всякой вычурности. Именно эти качества в людях приводили его к заключению: *«Если взрослый человек бывает похож на ребенка, то это во всем человеке самое лучшее»* [Там же].

«Совершенную простоту», какая свойственна детям, Пришвин называл и в качестве одного из начал, основ искусства [14, т. 7, с. 234]. Свою творческую деятельность писатель соотносил с этой установкой, подтверждением чему является такое его признание: «Детский рассказ трудно написать, потому что не смеешь решиться и кажется мелькнувшая возможность... глупой... На самом же деле это не глупость мешает, а умность не дает быть самому как дети. Вот именно надо быть самому как дети, чтобы написать детский рассказ» [11]. Сделав эту запись 3 августа 1938 г., Пришвин через полгода вновь вернулся к мысли, в ней выраженной: «Для того, однако, чтобы написать хороший рассказ для детей, мне надо

сделаться самому маленьким и не склоняться к детям, а действительно стать точно таким. И вот когда <...> становишься на увлекающий тебя собственный как бы мальчишески-озорной путь, то и кажется тогда, будто удрал из классной комнаты...» [11]. Автор-художником приветствовались «героические движения, на которые способны, – по его мнению, – главным образом дети и юноши», восторженно принимались дерзость, смелость детских решений, разрушавших запреты, сковывавшие порывы свободного духа, готовность отстоять свою независимость и свое право. «Какая цена поступку, – восклицал писатель, – когда он обдуман и риск их для него устранен. Это путь старых людей, испуганных жизнью. В этом свободном движении и заключается смысл: “Будьте как дети”, и все искусство в этом и все чудо жизни» [Там же].

Дневники писателя свидетельствуют о пристальном внимании его к событиям эпохи, отразившимся в постоянных откликах на них в суждениях прямых и честных. Он утверждал право и обязанность художника «быть современным всему», вокруг совершающемуся, считая это свойство «величайшей редкостью в мире». Сам Пришвин обладал такой «редкостью», более того, он остается современным и сегодня. Но любопытно и другое: отстаивая свою позицию, он тут же не забывал напомнить о заветном: «в то же время сохранять в своей душе себя как ребенка» [Там же]. Указанные черты, по его мнению, способствовали бы гармонизации мира, его гуманизации, устранению насилия и зла: «Если бы так удалось, то можно бы служить будущему человеку, не тратя себя. Можно бы спасать без распятия, воскресать, не умирая» [Там же].

Очевидно, что писатель был солидарен и с предшественниками, и с современниками в своем признании детства (детскости) как нравственного образца для человека. Итогом его размышлений по этому вопросу можно считать такое заключение: «Сохраненное в себе дитя для детей – вот мировой капитал человечества, сила искусства от простых сказителей и до Шекспира» [13].

Есть в книге поэтических миниатюр М.М. Пришвина зарисовка под названием «Смысл улицы». Писатель пытается «найти для себя на улице смысл данной минуты», а, может быть, даже не смысл, а момент, в котором бы произошло соприкосновение, соединение его «внешней жизни» с жизнью души. Все вокруг кажется чуждым, ненужным, мертвым. Но рассказчик не хочет смириться с происходящим, ибо уверен, что где-то же должен этот смысл быть! А далее и происходит его открытие-узнавание, сразу же определившее то, чего он так жаждал: «Вдруг я увидел у края тротуара кучу песка, а возле кучи сидели маленькие дети и своими игрушечными формочками делали из влажного песка пироги. И тут, – заключал автор, – я узнал возле этой кучи песку то самое, чего мне так не хватало и что я назвал смыслом улицы» [14, т. 7, с. 289]. Что открыла Пришвину увиденная картина? Улица – сама жизнь города, страны, народа. Значит, дети – ее смысл. Но в них был заключен и смысл творческой работы самого писателя – «великого психолога земной жизни» [15, с. 77]. Такой вывод был сформулирован им самим: «Самое же главное, что было мне во всеобщей, это что я – детский писатель и так этим жить буду и этим кончу жизнь я для детей» [11]. Любому настоящему учителю, педагогу понятно и близко это признание мастера.

Библиографический список

1. Бальмонт К.Д. Автобиографическая проза. М., 2001.
2. Блок А.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. М., 1971.
3. Воспоминания о Михаиле Пришвине. М., 1991.
4. Дворяшина Н.А. Нравственный образец жизни человека в творческом сознании русских писателей // Актуальные проблемы обучения русскому языку XIII: сборник трудов конференции. Брно, 2018. С. 433–440.
5. Дворяшина Н.А. Феномен детства в творчестве русских символистов (Ф. Сологуб, З. Гиппиус, К. Бальмонт). Surgut, 2009.
6. Исунов К.Г. Эстетика преобразования: детский взгляд на вещи // Космос детства: Антология. М., 2009. С. 5–17.
7. Курбатов В.Я. Перед вечером, или Жизнь на полях. Псков, 2003.
8. Моложавенко В.С. Тайны красоты. Книга о цветах. М., 1993.
9. Мориц Ю. Запах ландыша. URL: <http://www.owl.ru/morits/stih/off-records346.htm> (дата обращения: 07.02.2023).
10. Мориц Ю. Собственное небо. URL: <https://rustih.ru/yunna-moric/yslid=Idu8a5lvxa94877818> (дата обращения: 07.02.2023).
11. Пришвин М.М. Дневники 1905–1947 гг. (Публикации 1991–2013 гг.). URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevnik-otdelno/index.htm?ysclid=Iduf2122m621058063> (дата обращения: 05.12.2022).
12. Пришвин М.М. Дорога к другу: Дневники. М., 1982.
13. Пришвин М.М. Незабудки. URL: <https://traumlibraru.ru/book/prishvin-nezabudki/prishvin-nezabudki.html?ysclid=Iduqv2syic202396274> (дата обращения: 05.12.2022).
14. Пришвин М.М. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1982–1986.
15. Пришвин и современность: сборник / сост. П.С. Выходцев. М., 1978.
16. Пришвина В.Д. Искусство видеть мир // Пришвин и современность. М., 1978. С. 28–66.
17. Розанов В.В. Сочинения. М., 1990.
18. Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. М., 1994.
19. Цыбин В.Д. Во всем поэт // Пришвин и современность. М., 1978. С. 77–79.

References

1. Balmont K.D. Avtobiograficheskaya proza [Autobiographical prose]. Moscow, 2001.
2. Blok A.A. Sbranie sochinenij: v 6 t. [Collected works in 6 vols.]. Vol. 5. Moscow, 1971.
3. Vospominaniya o Mixaile Prishvine [Memories of Michael Prishvin]. Moscow, 1991.
4. Dvoryashina N.A. Moral model of human life in the creative consciousness of Russian writers. *Current Issues of the Russian Language Teaching XIII*. Brno, 2018. Pp. 433–440. (In Rus.)
5. Dvoryashina N.A. Fenomen detstva v tvorchestve russkix simvolistov (F. Sologub, Z. Gippius, K. Balmont) [The phenomenon of childhood in the work of Russian symbolists (F. Sologub, Z. Gippius, K. Balmont)]. Surgut, 2009.
6. Isupov K.G. Aesthetics of transformation: a children's look at things. *Space of childhood. Anthology*. Moscow, 2009. Pp. 5–17. (In Rus.)
7. Kurbatov V.Ya. Pered vecherom, ili Zhizn na polyakh [Before the evening, or Life in the fields]. Pskov, 2003.
8. Molozhavenko V.S. Tajny krasoty. Kniga o cvetakh [Secrets of beauty. A book about flowers]. Moscow, 1993.
9. Moritz Yu. Zapakh landysha [The smell of lily of the valley]. URL: <http://www.owl.ru/morits/stih/off-records346.htm> (In Rus.)
10. Moritz Yu. Sobstvennoe nebo [Own sky]. URL: <https://rustih.ru/yunna-moric/yslid=Idu8a5lvxa94877818> (In Rus.)
11. Prishvin M.M. Dnevnik 1905–1947 gg. (Publikatsii 1991–2013 gg.) [Diaries 1905–1947 (Publications 1991–2013)]. URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevnik-otdelno/index.htm?ysclid=Iduf2122m621058063> (In Rus.)

12. Prishvin M.M. Doroga k drugu: Dnevnik [Road to a friend: Diaries]. Moscow, 1982.
13. Prishvin M.M. Nezabudki [Forget-me-nots]. URL: <https://traumlibraru.ru/book/prishvin-nezabudki/prishvin-nezabudki.html?ysclid=Iduqv2syic202396274> (In Rus.)
14. Prishvin M.M. Sobranie sochinenij: v 8 t. [Collected works in 8 vols.]. Moscow, 1982–1986.
15. Prishvin i sovremennost [Prishvin and modernity]. P.S. Vykhodtsev (compl.). Moscow, 1978.
16. Prishvina V.D. The art of seeing the world. *Prishvin i sovremennost*. Moscow, 1978. Pp. 28–66. (In Rus.)
17. Rozanov V.V. Sochineniya [Writings]. Moscow, 1990.
18. Tsvetaeva M.I. Sobranie sochinenij: v 7 t. [Collected works in 7 vols.]. Vol. 2. Moscow, 1994.
19. Tsybin V.D. In all poet. *Prishvin i sovremennost*. Moscow, 1978. Pp. 77–79. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 15.02.2023, принята к публикации 15.03.2023

The article was received on 15.02.2023, accepted for publication 15.03.2023

Сведения об авторе / About the author

Дворяшина Нина Алексеевна – доктор филологических наук, доцент; главный научный сотрудник лаборатории литературоведческих и лингвистических исследований, Сургутский государственный педагогический университет

Nina A. Dvoryashina – ScD in Philology, Associate Professor; Chief Research Fellow at the Laboratory of Literary and Linguistic Studies, Surgut State Pedagogical University

E-mail: dvoryashin@bk.ru